

Ориентируясь на стих, можно было избрать такой путь: отсечь начальный слог «го», перевести его в затакт, и тогда следующие двенадцать слогов уложились бы в правильный хорей. В музыке Титов поступает иначе, он наращивает доли, чтобы добиться полного 16-дольного квадратного построения. Первый и два последних слога каждого стиха Титов трактует как полные такты, т. е. каждый раз наращивает еще по одной доле. Соответственно текст переформируется в 16-сложник (тринадцать плюс три равно шестнадцати), каждая строка автоматически распадается на две 8-сложные, строго хорейские. Текст теперь звучит так:

Гó-о-тóво сёрдце мóе / бóже т́я хвалí-и-т́и-и,
гó-о-тóв есмъ в слáве мóей / т́я богá славі-и-т́и-и.

Тридцать псалмов Симеона Полоцкого — Василия Титова вошло в рукописные нотированные сборники кантов; значит, эти тридцать псалмов обрели широкую популярность и пелись повсеместно. Что до нотной «Псалтири рифмовторной» в полном объеме, то и она не была недоступной. Ныне известно пятнадцать полных ее списков начиная с 1687 г. (подносо́й царевне Софье автограф) и кончая исходом XVIII в.

Музыкальные принципы Титова стали общеупотребительными в барочной кантовой культуре. Квадратность напева, ведущая к хорейскому переформированию стиха в четных размерах, в 9- и 13-сложнике, прослеживается во всех кантах Петровской эпохи, хотя кантам панегирическим, конечно, присущ и ряд особенностей. Влияние Титова очевидно хотя бы в кантах на стихи Кариона Истомина «Воззрю на небо» и на стихи Феофана Прокоповича «Кто крепок» (примеры 14 и 15). В обоих случаях находим тонизацию, хотя и специфическую.

Интересно, что новое музыкальное мышление распространяется и на сферы, казалось бы, чуждые ему конфессионально, идеологически и художественно. Протопопу Аввакуму принадлежат три стихотворения, созданные в соответствии со сказовой моделью стиха и с учетом древнерусского монодического пения.¹² Два из них стали кантами — «Се еси добра» и «О душе моя» (рукопись ГПБ, Q.XIV.25; по этой рукописи выше приведены и канты Германа, любимца патриарха Никона. Любопытное соседство!). Для включения в новую музыкальную культуру сначала потребовалось перевести стихи Аввакума в силлабическую систему. В обоих случаях получился 10-сложник с цезурой после пятого слога. В оригинале Аввакума было так:

Сé еси добра́ / прекра́сная моя́.
Сé еси добра́ / любима́я моя́.

¹² См.: Панченко А. М. Протопоп Аввакум как поэт. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1979, т. 38, № 4, с. 300—308. Стихотворение «Се еси добра» («Хвала о церкви») воспроизводится здесь по дружининскому автографу.